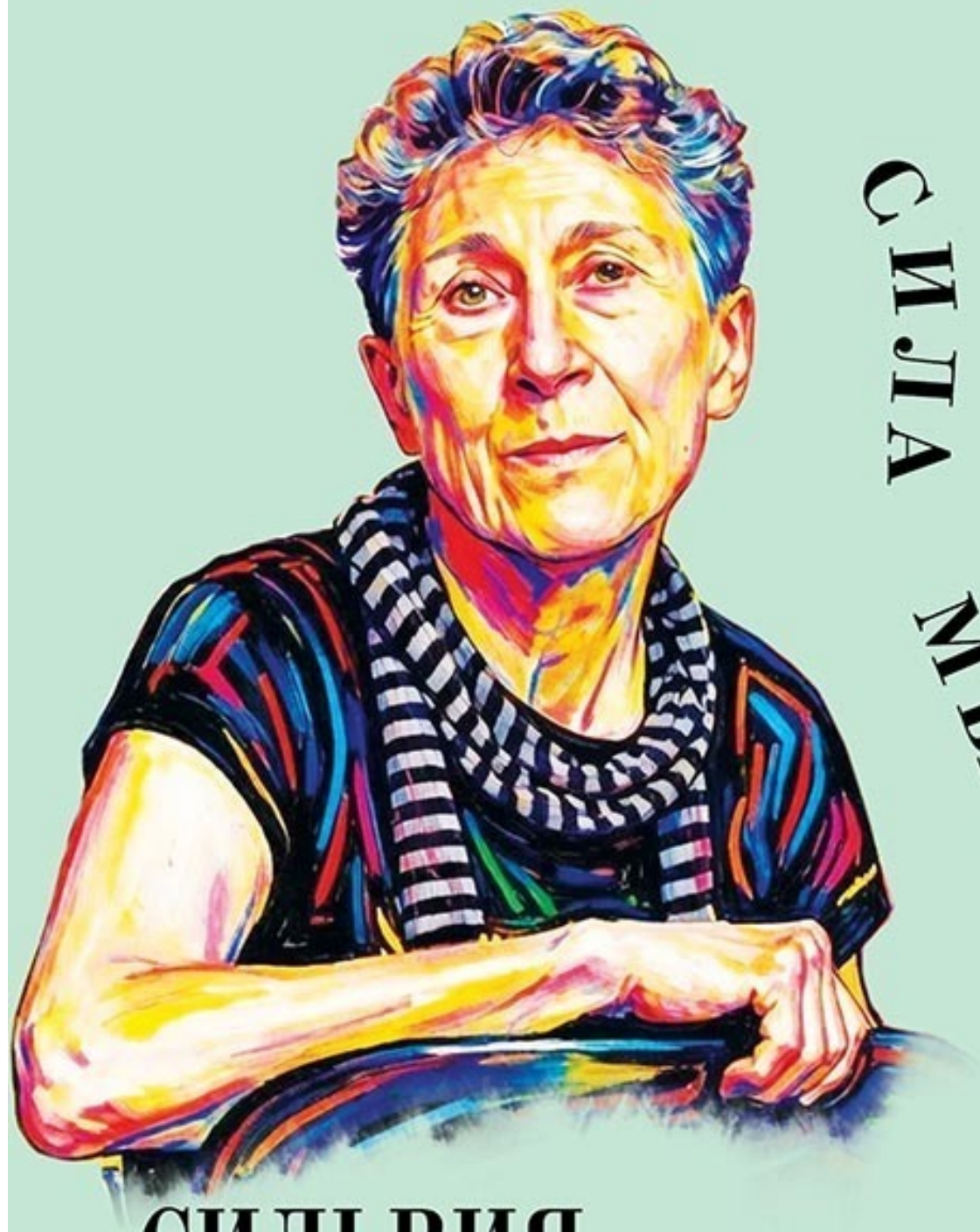

СИЛ
ВИА
ФЕДЕРИЧИ

СИЛЬВИЯ
ФЕДЕРИЧИ

КАЛИБАН И ВЕДЬМА

КОЛДОВСТВО И ЖЕНСТВЕННОСТЬ В ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЕ ЕВРОПЫ

Сила мысли

Сильвия Федеричи

**Калибан и ведьма. Колдовство
и женственность в истории
и культуре Европы**

«Алисторус»

2026

УДК 141.72
ББК 87.3(7Сое)6-794

Федеричи С.

Калибан и ведьма. Колдовство и женственность в истории и культуре Европы / С. Федеричи — «Алисторус», 2026 — (Сила мысли)

ISBN 978-5-00269-529-4

Сильвия Федеричи - одна из важнейших феминистских мыслительниц нашего времени. Ее книга «Калибан и ведьма» стала одной из центральных книг современной критической теории. Именно там впервые последовательно была представлена апология ведьмы как феминистской фигуры, воплощающей женскую силу и независимость. Эта восходящая к Гекате или Кибеле фигура вызывала страшную злобу у инквизиции и протестантских фундаменталистов в Европе XVI-XVII веков. Охота на ведьм таким образом стала масштабным убийством женщин (феминцидом), который патриархальные власти совершили в попытке подчинить и подавить женщин. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 141.72
ББК 87.3(7Сое)6-794

ISBN 978-5-00269-529-4

© Федеричи С., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Предисловие	6
Введение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сильвия Федеричи
Калибан и ведьма. Колдовство
и женственность в истории
и культуре Европы

© Федеричи С., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

«Калибан и ведьма» представляет основные темы исследовательского проекта о женщинах в период «перехода» от феодализма к капитализму, который я начала в середине 1970-х годов в сотрудничестве с итальянской феминисткой Леопольдиной Фортунати. Первые результаты появились в книге, которую мы опубликовали в Италии в 1984 году: «Il Grande Calibano. Storia del corpo sociale ribelle nella prima fase del capitale» (Милан: Franco Angeli) [«Великий Калибан. История бунтующего социального тела в первой фазе капитализма»].

Изначально мой интерес к этому исследованию был вызван дискуссиями, сопровождавшими развитие феминистского движения в Соединённых Штатах, относительно корней женского «угнетения» и политических стратегий, которые движение должно принять в борьбе за освобождение женщин. В то время господствующими теоретическими и политическими перспективами, с которых анализировалась реальность сексуальной дискриминации, были те, что предлагались двумя основными ветвями женского движения: радикальными феминистками и социалистическими феминистками. Однако, на мой взгляд, ни та, ни другая не давали удовлетворительного объяснения корням социально-экономической эксплуатации женщин. Я возражала против радикальных феминисток из-за их склонности объяснять сексуальную дискриминацию и патриархальное господство на основе надысторических культурных структур, предположительно действующих независимо от производственных отношений и класса. Социалистические феминистки, напротив, признавали, что историю женщин нельзя отделять от истории конкретных систем эксплуатации, и в своих анализах отдавали приоритет женщинам как работницам в капиталистическом обществе. Но предел их позиции, как я тогда понимала, состоял в том, что она не признавала сферу воспроизводства в качестве источника создания стоимости и эксплуатации и, таким образом, объясняла корни властного различия между женщинами и мужчинами исключением женщин из капиталистического развития – что снова вынуждало нас полагаться на культурные схемы для объяснения выживания сексизма в рамках капиталистических отношений.

Именно в этом контексте возникла идея проследить историю женщин в переходный период от феодализма к капитализму. Тезис, вдохновивший это исследование, был впервые сформулирован Мариозой Далла Костой и Сельмой Джеймс, а также другими активистками движения «Зарплата за домашнюю работу», в ряде документов, которые в 1970-е годы были очень спорными, но в конечном итоге изменили дискурс о женщинах, воспроизводстве и капитализме. Самыми влиятельными среди них были «Женщины и подрыв общины» Мариозы Далла Косты и «Секс, раса и класс» Сельмы Джеймс.

В противовес марксистской ортодоксии, объяснявшей женское «угнетение» и подчинение мужчинам пережитком феодальных отношений, Далла Коста и Джеймс утверждали, что эксплуатация женщин играла центральную роль в процессе капиталистического накопления, поскольку женщины были производительницами и воспроизводительницами самого важного капиталистического товара – рабочей силы. Как выразилась Далла Коста, неоплачиваемый труд женщин в доме был столпом, на котором строилась эксплуатация наёмных работников, «заработное рабство», и секретом его производительности. Таким образом, властные отношения между женщинами и мужчинами в капиталистическом обществе нельзя приписывать незначительности домашнего труда для капиталистического накопления – незначительности, которой противоречат строгие правила, управлявшие жизнью женщин, – ни сохранению вне-временных культурных схем. Скорее, это следует интерпретировать как результат социальной системы производства, которая не признаёт производство и воспроизводство работника социально-экономической деятельностью и источником накопления капитала, а вместо этого

мистифицирует его как природный ресурс или личную услугу, одновременно извлекая выгоду из неоплачиваемого положения вовлечённого труда.

Укоренив эксплуатацию женщин в капиталистическом обществе в сексуальном разделении труда и неоплачиваемой работе женщин, Далла Коста и Джеймс показали возможность преодолеть дихотомию между патриархатом и классом и придали патриархату конкретное историческое содержание. Они также открыли путь к переинтерпретации истории капитализма и классовой борьбы с феминистской точки зрения.

Сильвия Федеричи.

Именно в этом духе Леопольдина Фортунати и я начали изучать то, что можно лишь эвфемистически назвать «переходом к капитализму», и начали искать историю, которой нас не учили в школе, но которая оказалась решающей для нашего образования.

Книга, которая вышла из этого исследования, «Великий Калибан: история бунтующего социального тела в первой фазе капитализма», была попыткой переосмыслить марксистский анализ первоначального накопления с феминистской точки зрения. Но в этом процессе устоявшиеся марксистские категории оказались неадекватными. Среди их потерь была марксистская идентификация капитализма с приходом наёмного труда и «свободного» работника, что способствует сокрытию и натурализации сферы воспроизводства. «Великий Калибан» также критиковал теорию тела Мишеля Фуко; как мы утверждали, анализ Фуко техник власти и дисциплин, которым подвергалось тело, игнорировал процесс воспроизводства, слил женскую и мужскую историю в недифференцированное целое и был настолько незаинтересован в «дисциплинировании» женщин, что никогда не упоминает одно из самых чудовищных нападений на тело, совершённых в современную эпоху: охоту на ведьм.

Главный тезис «Великого Калибана» состоял в том, что для понимания истории женщин в переходный период от феодализма к капитализму мы должны проанализировать изменения, которые капитализм внёс в процесс социального воспроизводства и, особенно, в воспроизводство рабочей силы. Таким образом, в книге рассматривалась реорганизация домашнего труда, семейной жизни, воспитания детей, сексуальности, отношений между мужчинами и женщинами, а также отношений между производством и воспроизводством в Европе XVI и XVII веков. Этот анализ воспроизведён в «Калибане и ведьме»; однако объём настоящего тома отличается от «Великого Калибана», поскольку он отвечает иному социальному контексту и нашему растущему знанию женской истории.

Вскоре после публикации «Великого Калибана» я покинула Соединённые Штаты и заняла преподавательскую должность в Нигерии, где оставалась почти три года. Перед отъездом я закопала свои бумаги в подвале, не ожидая, что они мне скоро понадобятся. Но обстоятельства моего пребывания в Нигерии не позволили мне забыть об этой работе. Годы между 1984 и 1986 стали поворотным моментом для Нигерии, как и для большинства африканских стран. Это были годы, когда в ответ на долговой кризис правительство Нигерии вступило в переговоры с Международным валютным фондом и Всемирным банком, что в конечном итоге привело к принятию Программы структурной адаптации – универсального рецепта Всемирного банка для экономического оздоровления по всей планете.

Заявленной целью программы было сделать Нигерию конкурентоспособной на международном рынке. Но вскоре стало очевидно, что это предполагает новый цикл первоначального накопления и рационализацию социального воспроизводства, направленную на уничтожение последних остатков общинной собственности и общинных отношений и, тем самым, на навязывание более интенсивных форм эксплуатации труда. Таким образом, я увидела, как на моих глазах разворачиваются процессы, очень похожие на те, которые я изучала при подготовке «Великого Калибана». Среди них были нападки на общинные земли и решительное вмешательство государства (по наущению Всемирного банка) в воспроизводство рабочей силы: регулирование рождаемости и, в данном случае, сокращение численности населения, которое считалось слишком требовательным и недисциплинированным с точки зрения его предполагаемой интеграции в глобальную экономику. Наряду с этой политикой, метко названной «Войной против недисциплинированности», я также стала свидетельницей разжигания женоненавистнической кампании, осуждающей женское тщеславие и чрезмерные требования, а также развития оживлённой дискуссии, во многом схожей с «спорами о женщинах» XVII века, затрагивающей все аспекты воспроизводства рабочей силы: семью (полигамная против моногамной,

нуклеарная против расширенной), воспитание детей, женский труд, мужскую и женскую идентичность и отношения.

В этом контексте моя работа над переходным периодом обрела новый смысл. В Нигерии я поняла, что борьба против структурной адаптации является частью долгой борьбы против приватизации земли и «огораживания» не только общинных земель, но и социальных отношений, которая уходит корнями в самое зарождение капитализма в Европе и Америке XVI века. Я также осознала, насколько ограничена победа, которую капиталистическая трудовая дисциплина одержала на этой планете, и как много людей до сих пор воспринимают свою жизнь способами, радикально противоречащими требованиям капиталистического производства. Для девелоперов, многонациональных агентств и иностранных инвесторов это было и остается проблемой таких мест, как Нигерия. Но для меня это было источником большой силы, поскольку доказывало, что по всему миру всё ещё существуют грозные силы, сопротивляющиеся навязыванию образа жизни, продуманного исключительно в капиталистических терминах. Обретенная мною сила также была обусловлена встречей с организацией «Женщины Нигерии» – первой феминистской организацией страны, которая позволила мне лучше понять борьбу, которую нигерийские женщины ведут за защиту своих ресурсов и против новой модели патриархата, навязываемой им и продвигаемой теперь Всемирным банком.

К концу 1986 года долговой кризис достиг академических институтов, и, более не в состоянии обеспечивать себя, я покинула Нигерию – телом, если не духом. Но мысль об атаках, обрушенных на нигерийский народ, никогда не покидала меня. Таким образом, желание заново изучить «переход к капитализму» не покидало меня с момента моего возвращения. Я читала нигерийские события через призму Европы XVI века. В Соединённых Штатах именно нигерийский пролетариат вернул меня к борьбе за общинные угодья и к капиталистическому дисциплинированию женщин – как в Европе, так и за её пределами. По возвращении я также начала преподавать в междисциплинарной программе для студентов, где столкнулась с другим типом «огораживания»: огораживанием знания, то есть растущей утратой новыми поколениями исторического чувства нашего общего прошлого. Вот почему в «Калибане и ведьме» я реконструирую антифеодальную борьбу Средневековья и борьбу, посредством которой европейский пролетариат сопротивлялся приходу капитализма. Моя цель здесь – не только сделать доступными для неспециалистов доказательства, на которых основан мой анализ, но и возродить среди молодых поколений память о долгой истории сопротивления, которой сегодня грозит исчезновение. Сохранение этой исторической памяти имеет решающее значение, если мы хотим найти альтернативу капитализму. Ибо эта возможность будет зависеть от нашей способности услышать голоса тех, кто уже проходил похожими путями.

Введение

Начиная с Маркса, изучение генезиса капитализма было обязательным шагом для активистов и учёных, убеждённых, что первоочередная задача человечества – построение альтернативы капиталистическому обществу. Неудивительно, что каждое новое революционное движение возвращалось к «переходу к капитализму», привнося в него перспективы новых социальных субъектов и обнаруживая новые основания эксплуатации и сопротивления. Данный том задуман в рамках этой традиции, однако к работе побудили два особых соображения.

Первым было желание переосмыслить развитие капитализма с феминистской точки зрения, избегая при этом ограниченности «женской истории», отделённой от истории мужской части рабочего класса. Название «Калибан и ведьма», вдохновлённое шекспировской «Бурей», отражает это усилие. Однако в моей интерпретации Калибан представляет не только антиколониального бунтаря, чья борьба до сих пор отзывается в современной карибской литературе, но и символ мирового пролетариата и, более конкретно, пролетарского тела как территории и инструмента сопротивления логике капитализма. Самое же важное – образ ведьмы, который в «Буре» отеснён на дальний фон, в этом томе выходит на первый план как воплощение того мира женских субъектов, который капитализму пришлось уничтожить: еретички, целительницы, непокорной жены, женщины, осмелившейся жить одна, женщины-оби, которая отравила еду господина и вдохновила рабов на восстание.

Вторым побудительным мотивом этого тома стало всемирное возвращение – с новым глобальным расширением капиталистических отношений – целого ряда феноменов, обычно ассоциируемых с генезисом капитализма. Среди них – новый цикл «огораживаний», лишивший земли миллионы сельскохозяйственных производителей, и массовое обнищание и криминализация рабочих через политику массового тюремного заключения, напоминающую «Великое заточение», описанное Мишелем Фуко в его исследовании истории безумия. Мы также стали свидетелями всемирного развития новых диаспорических движений, сопровождаемого преследованием трудящихся-мигрантов, что вновь вызывает в памяти «Кровавые законы», введённые в Европе XVI–XVII веков, чтобы сделать «бродяг» доступными для местной эксплуатации. Наиболее важным для этой книги стало усиление насилия в отношении женщин, включая возвращение охоты на ведьм в некоторых странах (например, в Южной Африке и Бразилии).

Почему спустя 500 лет господства капитала, на пороге третьего тысячелетия, рабочие в массовом масштабе по-прежнему определяются как пауперы, ведьмы и преступники? Как связаны экспроприация земли и массовое обнищание с продолжающимися нападками на женщин? И что мы узнаём о капиталистическом развитии – прошлом и настоящем – если рассматриваем его с точки зрения феминистской перспективы?

Именно с этими вопросами в данной работе я пересмотрела «переход» от феодализма к капитализму с позиции женщин, тела и первоначального накопления. Каждое из этих понятий отсылает к концептуальной рамке, являющейся для этой работы точкой опоры: феминистской, марксистской и фукальдианской. Поэтому я начну своё введение с некоторых замечаний об отношении моего анализа к этим различным перспективам.

Салемский процесс.

«Первоначальное накопление» – это термин, который Маркс использует в первом томе «Капитала» для характеристики исторического процесса, предшествовавшего развитию капиталистических отношений. Это полезный термин, поскольку он даёт общий знаменатель, через который мы можем концептуализировать изменения, произведённые приходом капитализма в экономических и социальных отношениях. Но его важность заключается прежде всего в том, что «первоначальное накопление» трактуется Марксом как основополагающий процесс, раскрывающий структурные условия существования капиталистического общества. Это позволяет нам читать прошлое как нечто, сохраняющееся в настоящем, – соображение, имеющее решающее значение для моего использования этого термина в данной работе.

Однако мой анализ расходится с марксовым в двух отношениях. Тогда как Маркс рассматривает первоначальное накопление с точки зрения наёмного мужского пролетариата и развития товарного производства, я рассматриваю его с точки зрения изменений, которые оно внесло в социальное положение женщин и производство рабочей силы. Таким образом, моё описание первоначального накопления включает ряд исторических феноменов, отсутствующих у Маркса, но которые были чрезвычайно важны для капиталистического накопления. Они включают: развитие нового сексуального разделения труда, подчиняющего женский труд и репродуктивную функцию женщин воспроизводству рабочей силы; построение нового патриархального порядка, основанного на исключении женщин из наёмного труда и их подчинении мужчинам; механизацию пролетарского тела и его превращение – в случае женщин – в машину по производству новых работников. Самое же важное: я поместила в центр своего анализа первоначального накопления охоту на ведьм XVI–XVII веков, утверждая, что преследование ведьм – как в Европе, так и в Новом Свете – было так же важно для развития капитализма, как колонизация и экспроприация европейского крестьянства у его земли.

Мой анализ также расходится с марксовым в оценке наследия и функции первоначального накопления. Хотя Маркс остро осознавал убийственный характер капиталистического развития – его история, утверждал он, «начертана в анналах человечества огненными и кровавыми письменами» – нет сомнений, что он рассматривал его как необходимый шаг в процессе человеческого освобождения. Он верил, что оно покончило с мелкой собственностью и увеличило (в степени, не сравнимой ни с одной другой экономической системой) производительную способность труда, создав тем самым материальные условия для освобождения чело-

вещества от нужды и необходимости. Он также предполагал, что насилие, сопутствовавшее самым ранним этапам капиталистической экспансии, отступит по мере вызревания капиталистических отношений, когда эксплуатация и дисциплинирование труда будут осуществляться главным образом через действие экономических законов. В этом он глубоко ошибался. Возвращение самых жестоких аспектов первоначального накопления сопровождало каждый этап капиталистической глобализации, включая нынешний, демонстрируя, что постоянное изгнание крестьян с земли, войны и грабёж в мировом масштабе, а также деградация женщин являются необходимыми условиями существования капитализма во все времена.

Этот проект не нов. С самого начала феминистского движения женщины пересматривали «переход к капитализму», даже если не всегда это осознавали. Некоторое время основной рамкой, формировавшей женскую историю, была хронологическая. Наиболее распространённым обозначением, которое использовали феминистские историки для описания переходного периода, была «ранняя современная Европа», что, в зависимости от автора, могло означать тринадцатый или семнадцатый век.

Однако в восьмидесятых годах появился ряд работ, которые заняли более критическую позицию. Среди них были эссе Джоан Келли о Возрождении и «спорах о женщинах», «Смерть природы» Кэролин Мерчант, «Тайна воспроизводства» Леопольдины Фортунати (теперь доступная на английском), «Работающие женщины в Германии эпохи Возрождения» Мерри Визнер и «Патриархат и накопление в мировом масштабе» Марии Майес. К этим работам необходимо добавить многочисленные монографии, которые за последние два десятилетия реконструировали присутствие женщин в сельской и городской экономике средневековой и ранней современной Европы, а также обширную литературу и документальные труды, созданные об охоте на ведьм и жизни женщин в доколониальной Америке и на Карибских островах. Среди последних я хочу особо упомянуть «Луну, солнце и ведьм» Ирэн Сильверблатт – первое исследование об охоте на ведьм в колониальном Перу; и «Природных бунтарок. Социальную историю Барбадоса» Хилари Беклза, которая наряду с «Женщинами-рабынями в карибском обществе» Барбары Буш является одним из главных текстов по истории порабощённых женщин на карибских плантациях.

То, что подтвердила эта научная продукция, – это то, что реконструировать историю женщин или смотреть на историю с феминистской точки зрения означает фундаментальным образом переопределить устоявшиеся исторические категории и сделать видимыми скрытые структуры господства и эксплуатации. Так, эссе Келли «Был ли у женщин Ренессанс?» подорвало классическую историческую периодизацию, прославляющую Возрождение как выдающийся пример культурного достижения. «Смерть природы» Кэролин Мерчант бросила вызов вере в социально прогрессивный характер научной революции, утверждая, что приход научного рационализма произвёл культурный сдвиг от органической парадигмы к механической, который легитимизировал эксплуатацию женщин и природы.

Особенно важным стал «Патриархат и накопление в мировом масштабе» Марии Майес – ныне классическая работа, которая заново рассматривает капиталистическое накопление с не-евроцентрической точки зрения, связывая судьбу женщин в Европе с судьбой европейских колониальных субъектов и обеспечивая новое понимание места женщин в капитализме и процессе глобализации.

«Калибан и ведьма» опирается на эти работы, а также на исследования, включённые в «Великого Калибана» (работу, которую я обсуждаю в Предисловии). Однако его исторический охват шире, поскольку книга связывает развитие капитализма, с одной стороны, с социальными битвами и кризисом воспроизводства позднефеодального периода, а с другой – с тем, что Маркс определяет как «формирование пролетариата». В этом процессе книга затрагивает ряд исторических и методологических вопросов, которые находились в центре дебатов о женской истории и феминистской теории.

Самый важный исторический вопрос, затронутый в книге, – как объяснить казнь сотен тысяч «ведьм» в начале Нового времени и почему подъём капитализма совпал по времени с войной против женщин. Учёные-феминистки разработали концептуальную рамку, которая проливает большой свет на этот вопрос. Общеизвестно, что охота на ведьм была направлена на уничтожение контроля, который женщины осуществляли над своей репродуктивной функцией, и послужила прокладыванию пути для развития более угнетающего патриархального режима. Также утверждается, что охота на ведьм коренилась в социальных трансформациях, сопровождавших подъём капитализма. Но конкретные исторические обстоятельства, при которых было развёрнуто преследование ведьм, и причины, по которым подъём капитализма потребовал геноцидной атаки на женщин, не были исследованы. Это та задача, которую я беру на себя в «Калибане и ведьме», когда начинаю анализировать охоту на ведьм в контексте демографического и экономического кризиса шестнадцатого и семнадцатого веков, а также земельной и трудовой политики меркантилистской эпохи. Моя работа здесь – лишь набросок того исследования, которое необходимо для прояснения упомянутых мною связей, и особенно связи между охотой на ведьм и современным ей развитием нового сексуального разделения труда, заточающего женщин в репродуктивный труд. Тем не менее, этого достаточно, чтобы продемонстрировать, что преследование ведьм (как и работорговля и огораживания) было центральным аспектом накопления и формирования современного пролетариата – как в Европе, так и в «Новом Свете».

Есть и другие способы, которыми «Калибан и ведьма» обращается к «женской истории» и феминистской теории. Во-первых, он подтверждает, что «переход к капитализму» является проверочным случаем для феминистской теории, поскольку переопределение производственных и репродуктивных задач и отношений между мужчинами и женщинами, которое мы находим в этот период, осуществлённое с максимальным насилием и государственным вмешательством, не оставляет сомнений относительно сконструированного характера сексуальных ролей в капиталистическом обществе. Предлагаемый мною анализ также позволяет преодолеть дихотомию между «полом» и «классом». Если верно, что в капиталистическом обществе сексуальная идентичность стала носителем специфических рабочих функций, то пол не следует рассматривать как чисто культурную реальность, а следует трактовать как спецификацию классовых отношений. С этой точки зрения, дебаты, которые велись среди постмодернистских феминисток относительно необходимости отказаться от «женщин» как категории анализа и определять феминизм исключительно в оппозиционных терминах, были ошибочными. Перефразируя уже высказанную мысль: если «женственность» была сконструирована в капиталистическом обществе как рабочая функция, маскирующая производство рабочей силы под прикрытием биологической судьбы, то «женская история» есть «классовая история», и вопрос, который необходимо задать, заключается в том, преодолено ли то сексуальное разделение труда, которое породило это конкретное понятие. Если ответ отрицательный (а он должен быть отрицательным, если мы рассматриваем нынешнюю организацию репродуктивного труда), то «женщины» – это легитимная категория анализа, а виды деятельности, связанные с «воспроизводством», остаются решающим полем борьбы для женщин, как это было для феминистского движения семидесятых годов, которое на этой основе соединило себя с историей ведьм.

Ещё один вопрос, затронутый в «Калибане и ведьме», поднимается в связи с противоположными перспективами, предлагаемыми феминистским и фукальдианским анализом тела в их применении к пониманию истории капиталистического развития. С самого начала женского движения феминистские активистки и теоретики рассматривали «тело» как ключ к пониманию корней мужского доминирования и конструирования женской социальной идентичности. Несмотря на идеологические различия, феминистки осознали, что иерархическое ранжирование человеческих способностей и отождествление женщин с деградированной концепцией

телесной реальности исторически служили инструментом для укрепления патриархальной власти и мужской эксплуатации женского труда. Таким образом, анализы сексуальности, деторождения и материнства находились в центре феминистской теории и женской истории. В частности, феминистки вскрыли и осудили стратегии и насилие, с помощью которых системы эксплуатации, ориентированные на мужчин, пытались дисциплинировать и присвоить женское тело, показав, что женские тела были главными мишенями, привилегированными участками для развёртывания техник власти и властных отношений. В самом деле, многие феминистские исследования, созданные начиная с ранних семидесятых годов, касающиеся контроля над репродуктивной функцией женщин, последствий для женщин изнасилования, побоев и навязывания им красоты как условия социальной приемлемости, являются монументальным вкладом в дискурс о теле в наше время, опровергая распространённое среди академических кругов мнение, которое приписывает его открытие Мишелю Фуко.

Отталкиваясь от анализа «политики тела», феминистки не только произвели революцию в современном философском и политическом дискурсе, но и начали переоценку тела. Это было необходимым шагом как для противодействия негативу, связанному с отождествлением женственности с телесностью, так и для создания более целостного видения того, что значит быть человеческим существом. Эта переоценка принимала различные формы – от поиска недуалистических форм познания до попытки (у феминисток, рассматривающих сексуальное «различие» как позитивную ценность) развить новый тип языка и «переосмыслить телесные корни человеческого интеллекта». Как указывала Роза Брайдотти, переоцениваемое тело никогда не следует понимать как биологическую данность. Тем не менее такие лозунги, как «вернуть себе моё тело» или «говорить от тела», критиковались постструктуралистскими, фукальдианскими теоретиками, которые отвергают как иллюзорный любой призыв к инстинктивному освобождению. В свою очередь, феминистки обвинили дискурс Фуко о сексуальности в невнимании к сексуальной дифференциации, одновременно присваивая многие идеи, разработанные феминистским движением. Эта критика вполне уместна.

Добавлю, что Маркс никогда не смог бы предположить, будто капитализм прокладывает путь к освобождению человечества, если бы он смотрел на его историю с точки зрения женщин. Ибо эта история показывает, что даже когда мужчины достигали определённой степени формальной свободы, женщины всегда рассматривались как социально неполноценные существа и эксплуатировались способами, сходными с рабством. Таким образом, «женщины» в контексте этого тома означают не просто скрытую историю, которую необходимо сделать видимой, но особую форму эксплуатации и, следовательно, уникальную перспективу, с которой можно пересмотреть историю капиталистических отношений.

Более того, Фуко настолько увлечён «продуктивным» характером техник власти, которыми инвестировано тело, что его анализ практически исключает какую-либо критику властных отношений. Почти апологетическое качество теории тела Фуко усугубляется тем фактом, что она рассматривает тело как сконструированное исключительно дискурсивными практиками и больше интересуется описанием того, как власть развёртывается, чем выявлением её источника. Таким образом, Власть, посредством которой производится тело, предстаёт как самосущностная, метафизическая сущность, вездесущая, оторванная от социальных и экономических отношений и столь же загадочная в своих превращениях, как божественный Перводвигатель.

Сожжение ведьм в Амстердаме.

Может ли анализ перехода к капитализму и первоначального накопления помочь нам выйти за пределы этих альтернатив? Я полагаю, что да. В отношении феминистского подхода нашим первым шагом должно стать документирование социальных и исторических условий, при которых тело стало центральным элементом и определяющей сферой деятельности для конституирования женственности. В этом ключе «Калибан и ведьма» показывает, что тело было для женщин в капиталистическом обществе тем же, чем фабрика была для мужчин-наёмных работников: первичной основой их эксплуатации и сопротивления, поскольку женское тело было присвоено государством и мужчинами и принуждено функционировать как средство воспроизводства и накопления рабочей силы. Таким образом, значение, которое тело во всех его аспектах – материнство, деторождение, сексуальность – приобрело в феминистской теории и женской истории, не было ошибочным. «Калибан и ведьма» также подтверждает феминистское понимание, отказывающееся отождествлять тело со сферой частного, и в этом духе говорит о «политике тела». Кроме того, она объясняет, как тело может быть для женщин одновременно источником идентичности и тюрьмой, и почему его переоценка так важна для феминисток и в то же время так проблематична.

Что касается теории Фуко, история первоначального накопления предлагает множество контраргументов, доказывая, что её можно защищать только ценой вопиющих исторических упущений. Наиболее очевидным является упущение охоты на ведьм и дискурса демонологии в его анализе дисциплинирования тела. Несомненно, они вдохновили бы на иные выводы, если бы были включены. Ибо оба демонстрируют репрессивный характер власти, обрушенной на женщин, и неправдоподобность той компlicity и ролевой инверсии, которые Фуко воображает существующими между жертвами и их преследователями в своём описании динамики микро-властей.

Изучение охоты на ведьм также бросает вызов теории Фуко о развитии «биовласти», лишая её той таинственности, которой Фуко окружает возникновение этого режима. Фуко фиксирует сдвиг – предположительно в Европе XVIII века – от типа власти, построенной на праве убивать, к иной, осуществляемой через администрирование и поощрение жизненных

сил, таких как рост населения; но он не даёт ключей к пониманию её мотивов. Однако если поместить этот сдвиг в контекст подъёма капитализма, загадка исчезает, ибо поощрение жизненных сил оказывается не чем иным, как результатом новой заботы о накоплении и воспроизводстве рабочей силы. Мы также можем видеть, что поощрение государством роста населения может идти рука об руку с массовым уничтожением жизни; ибо во многих исторических обстоятельствах – вспомним историю работорговли – одно является условием для другого. Действительно, в системе, где жизнь подчинена производству прибыли, накопление рабочей силы может быть достигнуто только с максимальным насилием, так что, по словам Марии Майес, само насилие становится самой производительной силой.

В заключение, то, что Фуко мог бы узнать, если бы изучал охоту на ведьм, а не сосредоточился на пастырской исповеди в своей «Истории сексуальности», состоит в том, что такую историю нельзя писать с точки зрения универсального, абстрактного, бесполого субъекта. Далее, он признал бы, что пытки и смерть могут быть поставлены на службу «жизни» или, лучше сказать, на службу производству рабочей силы, поскольку цель капиталистического общества – превратить жизнь в способность к труду и «мёртвый труд».

С этой точки зрения, первоначальное накопление было универсальным процессом на каждой фазе капиталистического развития. Не случайно его исходный исторический образец породил стратегии, которые по-разному перезапускались перед лицом каждого крупного капиталистического кризиса, служа удешевлению стоимости рабочей силы и сокрытию эксплуатации женщин и колониальных субъектов.

Это происходило в XIX веке, когда ответами на подъём социализма, Парижскую коммуну и кризис накопления 1873 года стали «Битва за Африку» и одновременное создание в Европе нуклеарной семьи, основанной на экономической зависимости женщин от мужчин – после изгнания женщин из сферы наёмного труда. Это происходит и сегодня, когда новое глобальное расширение рынка труда пытается повернуть время вспять по отношению к антиколониальной борьбе и борьбе других бунтующих субъектов – студентов, феминисток, рабочих-производственников, которые в шестидесятых и семидесятых годах подорвали сексуальное и международное разделение труда.

Неудивительно, что масштабное насилие и порабощение снова оказались в повестке дня, как и в период «перехода», с той разницей, что сегодня конкистадорами выступают чиновники Всемирного банка и Международного валютного фонда, которые всё ещё проповедуют ценность пенни тем же народам, которые господствующие мировые державы веками грабили и превращали в пауперов. И снова большая часть обрушиваемого насилия направлена против женщин, ибо в век компьютеров покорение женского тела по-прежнему остается предварительным условием для накопления труда и богатства, о чём свидетельствуют институциональные инвестиции в развитие новых репродуктивных технологий, которые более чем когда-либо сводят женщин к утробам.

Также «феминизация бедности», сопровождавшая распространение глобализации, обретает новое значение, если вспомнить, что это было первым следствием развития капитализма для жизни женщин.

Действительно, политический урок, который мы можем извлечь из «Калибана и ведьмы», состоит в том, что капитализм как социально-экономическая система необходимо привержен расизму и сексизму. Ибо капитализм должен оправдывать и мистифицировать противоречия, встроенные в его социальные отношения – обещание свободы против реальности массового принуждения и обещание процветания против реальности массовой нищеты – путём очернения «природы» тех, кого он эксплуатирует: женщин, колониальных субъектов, потомков африканских рабов, иммигрантов, перемещённых глобализацией.

В сердцевине капитализма лежат не только симбиотические отношения между наёмно-контрактным трудом и порабощением, но и диалектика накопления и разрушения рабочей

силы, за которую женщины заплатили самую высокую цену – своими телами, своим трудом, своими жизнями.

Поэтому невозможно ассоциировать капитализм с какой-либо формой освобождения или приписывать долговечность системы её способности удовлетворять человеческие потребности. Если капитализм смог воспроизводить себя, то только благодаря паутине неравенств, которую он встроил в тело мирового пролетариата, и благодаря своей способности глобализировать эксплуатацию. Этот процесс всё ещё разворачивается у нас на глазах, как и последние 500 лет.

Разница в том, что сегодня сопротивление ему также обрело глобальное измерение.

Изучение перехода к капитализму имеет долгую историю, которая не случайно совпадает с историей основных политических движений этого века. Марксистские историки, такие как Морис Добб, Родни Хилтон, Кристофер Хилл, вновь обратились к «переходу» в 1940–1950-х годах, вслед за дебатами, порождёнными консолидацией Советского Союза, возникновением новых социалистических государств в Европе и Азии и тем, что в то время казалось надвигающимся кризисом капитализма. К «переходу» вновь обратились в 1960-х годах теоретики третьего мира (Самир Амин, Андре Гундер Франк) в контексте современных дебатов о неоколониализме, «недоразвитости» и «неэквивалентном обмене» между «Первым» и «Третьим» миром.

Эти две реальности в моём анализе тесно связаны, поскольку в капитализме воспроизводство работников на поколенческой основе и ежедневное возобновление их способности к труду стало «женским трудом», хотя и мистифицированным из-за его неоплачиваемого статуса как личная услуга и даже природный ресурс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.